

Т.П. Буслакова

«Собаке Качалова» (1925)

Необычный адресат стихотворения связан с бытовой реальностью, о которой вспоминал знаменитый артист МХАТа В. Качалов:

«Тогда Джиму было всего четыре месяца. Я вошел и увидел Есенина и Джима — они уже познакомились и сидели на диване, вплотную прижавшись друг к другу. Есенин одною рукой обнял Джима за шею, а в другой держал его лапу и хриплым баском приговаривал: “Что это за лапа, я сроду не видал такой”. Джим радостно взвизгивал, стремительно высовывал голову из-под мышки Есенина и лизал его лицо».

Бытовой эпизод, детально воспроизведенный в стихотворении («...Такую лапу не видал я сроду», «Пожалуйста, голубчик, не лижись», «И, никого ни капли не спросив, // Как пьяный друг, ты лезешь целоваться»), становится поводом для выражения философского содержания. Для лирического героя многообразие мира не умозрительное представление, а глубоко пережитое ощущение родства со «всеми, что душу облекает в плоть» («Мы теперь уходим понемногу...», 1924). «Зверье», так же как березы, равнины, цветы, реки, — «братья... меньшие» человека. Все вместе они составляют «жизнь», но только человек «знает», что это такое, может «понять» ее смысл:

Пожалуйста, голубчик, не лижись.
Пойми со мной хоть самое простое.
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит...

Однако среди «всяких и невсяких» «гостей» этого мира не каждый готов воплотить эту возможность. Даже у «милого и знаменитого» хозяина Джима и его посетителей душа не раскрывается навстречу «доверчивой приятце» собаки. Они «трогают ее шерсть бархатную», не замечая своего с ней родства. Только лирический герой называет Джима по имени, разговаривает с ним, готов «полаять при луне», понимая, что «на тихую, бесшумную погоду» все реагируют по-своему. Ироничное, на первый взгляд, предложение («Давай с тобой полаем при луне...») в действительности является метафорой, продолжающей ряд тропов, в которых состояние лирического героя передается через природные явления.

Эта метафора развивается в финальной части стихотворения, где в центре оказывается любовная тема. Нежность к «той, что всех безмолвней и грустней», лирический герой может выразить только опосредованно:

Мой милый Джим...
...
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Так же, как в стихотворении Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918), бытовой эпизод становится возможностью для проявления мировоззренческих доминант в концепции автора. В обоих стихотворениях взаимопонимание человека и природы изображается как реалистическое подтверждение одушевленности мира, понимание которой доступно лишь чутко вслушивающемуся в жизнь лирическому герою, в противоположность тем, кто воплощает начало разлада, разъединения, вражды. Однако если для Маяковского в русле его восприятия современных событий в 1918 года важно подчеркнуть в настроении времени передающуюся даже упавшей на «Кузнецком» лошади уверенность

в том, что ради настоящего «стоило жить, //и работать стоило», то у Есенина иная художественная цель.

Понять, «что жить на свете стоит», — это «самое простое» для лирического героя есенинского стихотворения, написанного на семь лет позже. Сознывая правоту жизни, находя общий язык с природой, он не в силах преодолеть обстоятельства, разлучившие его с героиней, незаслуженное недоверие, невнимание людей (антитеза с доверчивостью и дружелюбием Джима). «Счастье» случайно и своенравно, герой шутливо держит «на счастье лапу» Джима, ожидая в действительности любовной неудачи. Подавленное настроение героя передается фоническими средствами: на фоне привычных для Есенина звуковых повторов сонорных с гласными в первой и последней строфах возникает ассонанс на «у»:

Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
...
Она придет, даю тебе поруку...

У лирического героя не возникает вопроса, кто «виноват» в его несчастье. Драматизм ситуации разрешается благодаря его стремлению оставить «нежную» память, «за все» взяв вину на себя.